

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОЛАТИВА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Г.А.Некрасова

Проблемы падежной семантики в течение многих лет находятся в центре внимания лингвистов различных направлений. Однако общепринятой теории не существует. Одной из причин разногласий являются расхождения в интерпретации природы падежного значения (обзор существующих концепций см. Лаврентьев 2001: 37-100).

Падеж в силу своей природы и конструктивной роли в построении синтаксических единиц (предложений и словосочетаний) имеет различные типы функций. При описании падежной семантики необходимо различать его морфолого-синтаксическую и семантико-синтаксические функции (о типологии функций см. Шелякин 1985: 43). Каждый падеж имеет только ему присущую морфолого-синтаксическую функцию (парадигматическое значение), на основе которой падежи противопоставляются друг другу. Семантико-синтаксическая функция (синтагматическое значение) падежа определяется как "типизированная семантическая роль существительных в семантической структуре контекста (словосочетания или предложения), устанавливаемая путем семантического обобщения отношений между существительными в данной падежной форме и непосредственно распространяемым словом" (Шелякин 1985: 43). При определении семантической структуры падежа уточняются его синтагматические значения.

В описательных грамматиках, а также в работах по падежной семантике в финно-угроведении (и не только) преобладает простое перечисление значений, нередко у одной и той же падежной единицы в разных грамматических описаниях указывается разное количество значений. Поэтому актуальной остается проблема выделения значений и критерии их классификации. В синхронии многие падежные значения выступают как разнотипные, не имеющие общего семантического основания, обладающие только формальной общностью, т. е. только единством материального выражения. С.Д.Кацнельсон отмечал, что каждый падеж заключает в себе ряд разнотипных функций, которые «в рамках одного падежа <...> объединяют лишь деривационные связи, отчасти омертвевшие и ставшие этимологическими, отчасти прослеживающиеся и в современном языке» (Кацнельсон 1972: 43). Современное состояние падежной семантики, характеризующееся совме-

нием в одном падеже ряда синтагматических значений, является результатом развития семантической структуры падежа. В процессе этого развития происходит не только расширение семантической структуры, но и ослабление связи между разными значениями. Поэтому при описании семантической структуры падежа возникает необходимость решения двух задач: 1) инвентаризация синтагматических значений (семантико-синтаксических функций); 2) установление связей между значениями. В качестве классификационного основания при описании значений местных падежей перспективной является различие пространственных и непространственных значений. Однако этот порядок рассмотрения значений не следует принимать за отражение диахронического развития семантической структуры падежа.

Пространственные значения

Рассматривая семантику пролатива в типологической перспективе, Д.С.Ганенков (2002: 42) отмечает возможность совмещения пролатива с аблативом, локативом и директивом. Именно такая ситуация характерна для пермских языков, в диалектах которых пролатив может реализовать все указанные пространственные значения.

1. Значение трассы, траектории движения является центральным для пролатива. Д.С.Ганенков (2002: 39-40) выделяет четыре базовых значения пролативной зоны, содержащих компонент траектории движения: маршрут, проход, сцена и обочина. Пролатив пермских языков реализует первые три из указанных значений:

а) трасса как путь (маршрут). Движение происходит по траектории, которую задает ориентир, в качестве которого выступают линейные предметы: кз. кп. *туй*, удм. *сюрес* 'дорога', кз. кп. *ю*, удм. *шур* 'река', кз. *улица*, удм. *урам* 'улица': кз. мунны *туйод*, кп. мунны *туйот*, удм. мунны *сюресытй* 'идти по дороге'; кз. *Пёттöдыс сёяс да и водзö мунас аслас туйод* (Торопов 1982: 223) 'Наестся досыта да и пойдёт дальше по своей дороге'; кп. *Юрсö чатыртöмön да öтмöдөрö нёджжасёмön сйя кузя шагнялис паськыт улицаот* (Баталов 1976: 124) 'Гордо запрокинув голову и оглядываясь по сторонам, он шагал по широкой улице'; удм. *Туж паськытэсь, Туж бадзымесь нюлэсьёстй, туж кузесь сюресьёстй, Паськыт Удмурт шаеръёстй Удмурт поэт куректыса, Чылкак огназ кырзаса Ветлэ* (Герд: 82) 'По очень широким, по очень большим лесам, по очень длинным дорогам, По широким краям Удмуртии ходит поэт, печалась, совсем один напевай'.

Для выражения этого значения в пермских языках имеется специализированный показатель – послелог *кузя* 'по', продуктивность которого выше пролатива: кз. кп. мунны *туй кузя*, удм. *сюрес кузя* *мыныны* 'идти по дороге', кз. кп. *кывтны ю кузя* 'плыть по реке'.

б) трасса как преодолеваемое пространство (сцена). В реализации значения участвуют названия типов ландшафтов, плантаций, населенных пунктов и их частей, названия конкретных предметов, веществ, покрывающих земную поверхность. Семантика траектории движения осложнена компо-

нением преодоление пространства, поэтому ориентир может представлять также условия, в которых происходит движение. Наличие в пермских языках коррелятов-последлогов для выражения значения преодолеваемого пространства свидетельствует о том, что в языковом сознании коми и удмуртов типы преодолеваемых пространств могут представляться дифференцированно. В силу своей специализированной семантики последлоги сокращают функционирование пролатива, который, в отличие от последлогов, реализует только компонент движение по ориентиру. Коррелятом пролативу могут выступать: а) последлог кз. *пйӧд* 'по' с названиями веществ, покрывающих земную поверхность, при этом преодоление пространства осознается как движение через вещество: кз. *лымйӧд* ~ *лым пйӧд* 'по снегу', *ваӧд* ~ *ва пйӧд* 'по воде'; вс (Гр.) *Чэл'иктиыс тай робан* 'Что же ты бредишь по сугробу' (ВСД: 71); *Дышӧдӧс нин кыскавны съӧкыд кӧм-паськӧм, джуджыд лым пйӧд собавны турӧбъяс дырийи школаӧ* (А.Одинцов) (МГЧ: 70) 'Надоело уже таскать тяжелую одежду, по глубокому снегу брести во время выюги в школу'; б) последлог кз. *пӧвсті* 'по' с названиями зарослей растительности, преодоление пространства представляется как движение через заросли растительности (трава, кусты): кз. *мунны турунӧд* ~ *турун пӧвстіті* 'идти по траве'; *Ӧні позис кежны туй вылысь, собиктыны кузь да сук турун пӧвстіті* и *керка мышисянь воны кильчӧ водзӧ* (Шахов: 181) 'Теперь можно было свернуть с дороги, брести средь высокой и густой траве и по задворкам прийти к крыльцу'; в) последлог кз. удм. *пыр* 'через' с названиями типов ландшафтов, населенных пунктов и их частей: кз. *мунны вӧрӧд* ~ *вӧр пыр*, удм. *нюлӧс пыр мыныны* 'идти через лес'; кз. *Лӧня шлывгысь Вашка ю ӧдва вермӧ пискӧдчыны пармайӧд* (Л.Палкин) (МГЧ: 6) 'Медленно текущая река Вашка еле пробивается через парму'.

в) трасса как проход. В контексте с пролативом употребительны глаголы направления движения, зрительного и слухового восприятия: кз. *пырны*, удм. *пырыны* 'зайти', кз. *петны*, удм. *потыны* 'выйти', кз. *кывны*, удм. *кылыны* 'слышать', кз. *аддзыны*, удм. *адӟыны* 'видеть'. Значение реализуется в контексте с существительными, обозначающими проход, проем: кз. *ӧдзӧс*, удм. *ӧс* 'дверь', кз. *ӧшинь*, удм. *укно* 'окно', кз. *розь*, удм. *пӱтэт* 'щель'. Ситуация может быть двух типов в зависимости от расположения наблюдателя по отношению к объекту: наблюдатель находится в области пространства, являющегося конечным или же начальным пунктом движения объекта. В каждом случае в результате движения объект выходит за пределы ориентира. Пролатив прохода проявляет синонимичные отношения с последлогом *пыр* 'через, сквозь', преимущественно при глаголах зрительного и звукового восприятия. Семантика последлога осложнена компонентом *преодоление препятствия*, поэтому последлог и пролатив образуют оппозицию, выражая соответственно значение *проход с препятствием* и *проход без препятствия*: кз. *ӧшиньӧд* 'через окно (открытое, стекло)' и *ӧшинь пыр* 'через окно (стекло)', *ӧдзӧсӧд пырны* 'ввойти в дверь', *стен пыр кывны* 'слышать сквозь стену'; кз. *Тӧв ырӧ вӧсьса ӧшиньӧд* (Куратов: 72) 'Ветер дует в открытое окно'; кп. *Комись*

бшынёт пырёны асывсыя шондйлён гажэ югёррез и югтётёны бель чочко-ма белитём гор (Баталов 1976: 109) 'В кухонное окно заходят веселые лучи утреннего солнца и освещают побеленную печку'; удм. *Шуд укноетий пыре, ишан — ёсэтий* 'Счастье в окно заходит, несчастье — в двери' (УФ: 48).

2. Значение местонахождения объекта пролатив проявляет как место протекания действия и проявления признака.

а) Место протекания действия пролатив выражает при глаголах перемещения в пространстве, показывающих разнонаправленное движение: кз. *ветлөдлыны*, удм. *ветлыны* 'ходить, гулять', кз. *котравны*, удм. *бызбылыны* 'бегать', кз. *шөйтны*, удм. *калгыны* 'гулять, бродить': вс. (Гр.) *Мамыдлөн видёмыд мат'ина кусти ветлөм код'* 'Когда мать ругает, словно ходишь в кустах малины' (ВСД: 71); вым. (Онеж.) *Кэркаддө тöлыс пыр ветлө* 'В моей избе ветер гуляет' (ВД: 63); нв. *тыддыс уялө* 'плавает по озеру' (ST: 242); кп. *Пыр, ой и лун тыэз да юэз дорөт...* (Баталов 1976: 314) 'Всегда, день и ночь, брожу по лесу, по болотам, возле озер и рек'; кп. *бродита вөрөт, нюррезөт*; удм. *азбаретий бызбылызы* 'бежали по двору'.

Объект перемещается в пределах ориентира, но не выходит за его пределы. Ориентир остается местом осуществления действия, не превращаясь в трассу. В значении местонахождение объекта пролатив проявляет корреляцию с инессивом: оба падежа выражают действие объекта в пределах ориентира. В случае пролатива локализация всегда динамическая, в пределах ориентира осуществляется движение объекта. Инессив выражает местонахождение объекта в пределах ориентира в пользу статической локализации. В значении динамической локализации он спорадически встречается в контекстах с глаголами разнонаправленного движения, проявляя синонимию с пролативом, ср.

пролатив: удм. сев. *йа, оло час пала ветли с'икэти* 'Ну, около часа что ли я бродил по лесу' (Кельмаков 1981: 160);

инессив: удм. сев. *н'улэскын мон ветлис'ко* 'Я хожу по лесу' (Кельмаков 1981: 62).

б) Место проявления признака пролатив реализует в контекстах с предикативными прилагательными и с глаголами проявления признака. Пролатив ограничивает, конкретизирует место проявления признака, которым является определенная часть ориентира, представленная в виде некоторой замкнутой/незамкнутой линии: кз. *А талун тиолкъялө моски кузя райцентрын еджыд кыз кепка, голятыс еджыд кытша лөз спортивной дөрөма* (Шахов: 178) 'А сегодня [он] ходит по мостовым райцентра в белой толстой кепке, в синей спортивной рубашке с белой полоской на воротнике'; уд. (Косл.) *Чөрйөдыс тшыгём сапөгө* 'Сапоги малы в голенищах' (Сорвачева 1972: 254, 255); удм. *Ньөр кутэм интытий уг чигы* 'Прут в том месте, где его держат, не ломается' (УФ: 158).

3. Значение исходного пункта движения пролатив реализует только в красноуфимском говоре, корреспондируя при этом с элативом других удмуртских, а также коми диалектов: круф. *шо карти* *льктиж* 'Он вернулся

из города Красноуфимска' (Насибуллин 1978: 96). Единичные удмуртские примеры свидетельствуют о возможности синонимии пролатива (только в значении прохода) и элатива: удм. *ымтйд* ~ *ымысьтыд поттыны* 'выпустить из рта': удм. *Пеляд шыпытэмзэс ымтйд поттыны эн дырты* 'Сказанное на ухо не торопись выпускать из рта' (УФ: 84); *Одйг ымтй кык куара уд потты* 'Одним ртом в два голоса не заговоришь' ('Из одного рта два голоса не выйдут') (УФ: 158). Наличие корреспонденции и возможность синонимии пролатива и элатива объясняются семантикой этих падежей, которая включает компонент *выход из пределов ориентира* в результате движения объекта. В случае пролатива отмечается перемещение объекта с одной точки пространства в другую по заданной ориентиром траектории, тогда как в случае элатива констатируется только конечный пункт движения. При описании одной и той же ситуации могут использоваться оба падежа: пролатив для актуализации процесса, траектории движения, элатив – конечной точки движения.

4. Значение дистрибутивного директива пролатив проявляет с именами, оснащенными показателем множественности, который придает дистрибутивно-множественный оттенок значению: кз. *ветлӧдлыны керка-яс-ӧд*, кп. *ветлӧтлыны керку-эз-ӧт*, удм. *корка-ос-тй* 'ходить по домам': кп. *Ӧні ния кутчасӧ ветлӧтны керкуэзӧт, грабитны да издевайтчыны отирыс вылын*, – *думайтӧмӧн содтіс Архипка* (Баталов 1990: 112) '–Теперь они будут ходить по домам, грабить и издеваться над людьми, – размышляя, добавил Архипка'; удм. ср. *ол'ы кӧн'а кэ коркаости йумшаса вӧтло* 'Так гуляют, угощаются в нескольких домах' (Кельмаков 1990: 39); удм. (Кизнер) *нырис' ик повэска бас'то, сэрэ кунэсти вӧтло, сойэ ӧччало* 'Вначале получают повестку, потом ходят по гостям, его приглашают' (ОРУЯ: 16).

В данном случае пролатив образует оппозицию с иллативом по признаку единичный ориентир – множественный ориентир. В ситуации единичного ориентира используется иллатив, который указывает на конечную точку движения, тогда как в ситуации множественного ориентира подчеркивается динамический процесс протекания действия без актуализации конечной точки движения: кз. *ветлӧдлыны магазинӧ* 'ходить в магазин' и *магазинъясти* 'ходить по магазинам'. В отдельных северноудмуртских говорах пролатив спорадически встречается вместо иллатива в конструкциях с элативом: сч. *коркас' коркат'и вӧтлылы-зы тӧччаса да* 'Из дома в дом ходили и плясали' (Карпова 2005: 210).

Непространственные значения

1. Значение точки приложения проявляется в двух типах контекстов – с глаголами статичного и динамического действия: кз. кп. *кутны* 'держат', удм. *кутыны* 'взять', удм. *возьыны* 'держат', кз. кп. удм. *кыскыны* 'тянуть', кз. кп. *малавны*, удм. *маяллыны* 'гладить'. В каждом случае сохраняется пространственное осмысление ситуации. При динамических глаголах воздействие на часть объекта представляется в виде линии, что является интерпре-

тацией значения траектории движения (а), при статичных глаголах воздействие направлено на ограниченный участок поверхности, на часть объекта (б):

(а) кз. *юрсийдыс шылёодны*, удм. *йырситйыз маялляны* 'гладить по голове (букв. 'по волосам')': кз. *Оліс-оліс, сейис-юис, велёдчис, сьыліс, купайтчис, лыддысис, мамыс сійдс юрсійдыс шылёдіс* (Торопов 1982: 191) 'Жил-был, ел-пил, учился, пел, купался, читал, мать его по голове гладила'; удм. *Нылэз йырситйиз (маялляса) уг лйято, кылын лйято* 'Девушку не лаской (гладя по волосам), словами утешают' (УФ: 100);

(б) кз. *кутны киёдыс, китіыс*, удм. *китйыз кутыны* 'держат за руки': кз. *Дозмёрсё голяёдыс кутёмён восьлалё пыжлань Ванё, и некыдз оз вермы топодны вашъялысь вомсё* (Торопов 1982: 91) 'Ваня, держа за шею глухаря, шагает к лодке, но никак не может сдержать свою улыбку'; вс. *кырымти мэнё кутис* 'за руку меня держал' (Сажина 2002: 102); кп. *Фимка кутіс сійё киёттяс, нуётіс мёдік кёзок дынё* (Баталов 1976: 60) 'Фимка, схватив за руки, отвел его к другой ели'; *Сэк айыс здоровайтчис зоныскёт киёттяс* (Баталов 1976: 225) 'Тогда отец поздоровался с сыном за руку'; удм. *Кайгуэ усьыкуд, китйёд кутыны вёзад эшед мед луоз* 'Да будет с тобой рядом друг, чтобы поддержать ('поддержать за руки') тебя в горе' (УФ: 98).

В пермских языках глаголы, описывающие ситуацию воздействия на часть объекта, управляют иллативом, послелогом и пролативом. В случае иллатива и послелога ситуация представляется как целенаправленное воздействие на определенную часть объекта: кз. *кутчысьны киас* 'взяться за руки', кз. *кутчысьны перилёё*, удм. *перла борды кутйськыны* 'взяться за перила'. Здесь проявляется метафоризация динамической направленности иллатива и послелога, воздействие на часть объекта является целью субъекта. Несколько иная ситуация представлена в контексте с пролативом: воздействие на определенную часть объекта распространяется на весь объект: кз. *кутны киёдыс*, удм. *китй возыны* 'держат за руки'. Поэтому в таких контекстах представлен еще один участник ситуации – пациенс, часть которого подвергается воздействию: *кутны мёскёс сюрёдыс* 'держат корову за рога'.

2. Значение материала имеет пролатив в красноуфимском диалекте: *пиз 'ти н'ән' пъжис* 'из муки испекли хлеб' (Насибуллин 1978: 96). Развитие значения можно объяснить метафоризацией пространственного компонента: исходный пункт движения был осмыслен как источник, исходный материал для нового объекта. Пермские языки свидетельствуют о том, что в развитии значения материала задействован компонент, указывающий на обратную динамическую направленность, так как развитие значения происходит вне зависимости от пространственного компонента, указывающего на локализацию. В выражении значения материала участвуют падежи, имеющие в семантике сему обратной динамической направленности: элатив – в коми, аблатив – в удмуртском.

3. Значение инструмента пролатив sporadически проявляет с заимствованными из русского языка существительными *рация* 'рации', *радио* 'радио', *рупор* 'рупор', обозначающими средства связи, информирования. Поэтому

инструмент представляется как предмет передачи информации. Значение достаточно прозрачно соотносится с пространственным значением пролатива: траектория движения объекта осмыслена как траектория движения передаваемой информации. Пролатив проявляет синонимию с послелогом *пыр* 'через', что является дополнительным свидетельством развития значения инструмента на основе пространственного прохода.

кп. *Төн рытнас **рацияõt** бурõвõй бригадаõ юõртисõ, что югдандорнас ва саяс вуджас пыж* (Баталов 1976: 72) 'Вчера вечером по радиции сообщили в бригаду бузовиков, что на рассвете на другом берегу будет лодка'; *И кызд овлõ арнас колхозын, ... эта йлысь ештисõ ошшасьны ни газетын и **радиоõt*** (Федосеев 1991: 208) 'И как бывает осенью в колхозе, ...об этом успели похвастаться уже и в газете, и по радио'.

В диахронии пролатив имел еще некоторые непространственные значения. На основе анализа адвербиальных образований и послелогов можно говорить о наличии значений времени, соответствия, источника.

1. Значение соответствия пролатив сохранил в послелого *серти*, имеющего в диалектах варианты вв. скр. сс. *серти*, вс. вым. (Он.) л. (Об.) лет. уд. (Гл.) *сьõрти*, вым. иж. кп. *сьõрти*, л. (Об.) *сьõрки*, л. (Пор.) нв. уд. *сьõрттыи* 'по' (ССКЗД: 333; КПРС: 464). Происхождение послелога довольно прозрачно: он представляет собой грамматикализированную пролативную форму слова со значением 'образец, характер': 'по его характеру', 'по его образу' (КЭСК: 250-251). Пространственный компонент движение по заданной траектории в данном случае осмысливается как следование некоторому образцу. Подобный процесс развития прошел адвербиаль удмуртского языка, пространственное значение которого почти полностью вытеснено значением соответствия.

2. Значение источника (одушевленного) можно выделить в послелого лл. *вывттыыс* 'от', имеющего вариант с суффиксом элатива *вылсьыс* 'от': лл. *вывттыыс* ~ *вылсьыс*: (Об.) *Йõз вывттыыс кывлї*; (З.) *Йõз вылсьыс кыллї* 'Я от людей слышала' (ЛЛД: 99). В основе семантической деривации лежит переосмысление компонента обратная динамическая направленность. Стандартным средством выражения этого значения является аблатив, в коми языке возможен также эгрессив, ср. кз. *йõзсянь* кывны, удм. *калыкклась* кылыны 'услышать от людей'.

3. Темпоральное значение суффикс пролатива сохранил в структуре ряда наречий и послелогов: вв. л. (Пор.) нв. печ. скр. *бõрти*, л. (Пор.) *бõртинас*, вс. вым. иж. л. (Об.) лет. кп. сс. уд. *бõрти*, вым. *бõртін*, уд. (Удор.) *бõртті*; кя. *бэрти*, удм. *бэртий* 'потом, после, позже' (Лыткин 1961: 89; КПРС: 42; ССКЗД: 26; УРС: 45); вв. вым. нв. скр. *водзті*, лл. *возьті*, вс. *рдзті*, удм. *азьтї* 'прежде' (ССКЗД: 55; УРС: 25); *вылтты*: (З.) *Во вылтты гортас волõ* 'Домой приезжает через год' (ЛЛД: 99). Семантику суффикса можно определить как период времени, по прошествии которого имеет место определенная ситуация. Развитие темпорального значения на основе пространственного явление типологическое. В данном случае можно соотнести компоненты траектория движения и промежуток времени, а также выход из пределов

ориентира и истечение («выход» из) промежутка времени. Несколько иное значение имеет показатель пролатива в структуре послелога удм. *вылтй* 'во время, в течение', он указывает на период времени, в течение которого происходит действие объекта. Развитие этого временного значения происходило на основе значения динамической локализации, действие ограничивается определенными временными рамками. Соответствием в коми языке является послелог *дырйи*, восходящий к пролативной форме слова *дыр* 'время' (КЭСК: 98): удм. *война вылтй*, кз. *война дырйи* 'во время войны'.

Таким образом, в современных пермских языках пролатив не обладает развитой семантической структурой, что отличает его от других падежей, суффиксы которых восходят к финно-угорскому праязыку. В каждом из языков он используется преимущественно для выражения пространственных отношений. Особенностью пролатива является то, что в отличие от других местных падежей он может выражать все разновидности пространственного значения: пролативное, локативное, директивное и аблативное, из которых центральным является пролативное, остальные составляют периферию семантики падежа. Наличие пролативного компонента в директивном и локативном значениях позволяет предположить их развитие на основе пролативного. Сделать такое предположение позволяет и тот факт, что большинство непространственных значений пролатива обнаруживают связь с пролативным значением. Если принять во внимание взаимосвязь пролативного (директив) и локативного (директивный локатив) значений, а также взаимосвязь пространственных и непространственных значений, то можно говорить о целостности семантической структуры падежа. Наличие директивного элемента в локативном значении дает основания предположить направление развития от пролатива к директивному локативу. Другая ситуация обнаруживается в случае аблативного значения, имеющего общий компонент с пролативным прохода. В отличие от других периферийных пространственных значений аблативное имеет производные непространственные значения, причем не только в красноуфимском говоре, где пролатив сохраняет продуктивность аблативного значения. Лексикализованные пролативные формы, отмеченные в коми диалектах, позволяют говорить о наличии в диахронии непространственных значений, сформированных на основе аблативного значения, и в коми языке. Вклад в семантическое развитие пролатива различных пространственных значений поднимет вопрос о диахронически исходном значении падежа. Если принять положение о развитии локативного значения на основе пролативного, то диахронически исходным значением современного пролатива может быть только аблативное. Прафинно-угорский аблатив по меньшей мере в период прапермского языка развил уже пролативное значение, которое вытеснило исходное значение и стало центральным. Ввиду недостаточного объема диалектных источников по красноуфимскому говору можно только предположить, что сохранению исходного пространственного значения в говоре могло способствовать его взаимодействие с марийским языком, где праязыковой аблатив сохранил свое исходное значение.

Языки: кз. — коми-зырянский, кп. — коми-пермяцкий, удм. — удмуртский.

Диалекты и говоры: а) коми-зырянские: вв. — верхневьчегодский; вс. — верхнесысольский; вым. — вымский; иж. — ижемский; л. — летские говоры; луз. — лузские говоры; лл. — лузско-летский; нв. — нижневьчегодский; печ. — печорский; скр. — присыктывкарский; сс. — среднесысольский; уд. — удорский; б) удмуртские: круф. — красноуфимский, сев. — северные, сч. — среднечепецкий.

Литература и источники

- Баталов В. Зэр одзын. Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1990.
- Баталов В. Шепьясьö рудзöг. Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1976.
- ВД — Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар: Пролог, 1998.
- ВСД — Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975.
- Ганенков Д.С. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Исследование по теории грамматики 2. Грамматикализация пространственных значений. М.: ООО «Русские словари», 2002. С. 35–56.
- Герд К. Зарни кылчурьёс: Кылбурьёс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1997.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
- Карпова Л.Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы текстов. Ижевск, 2005.
- Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи. Ижевск: Удмуртия, 1981.
- Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1990.
- Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998.
- КПРС — Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985.
- Куратов И. Менам муза. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979.
- КЭСК — Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.
- Лаврентьев А.М. Категория падежа и лингвистическая типология. На материале русского языка. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2001.
- ЛЛД — Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985.
- Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- МГЧ — Миян грездса челядь. Висьтъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987.
- Насибуллин Р.Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86–151.
- ОРУЯ — Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982.
- Перевозицков П.Н. Глагольные словосочетания // Словосочетания в удмуртском языке. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1980. С. 38–129.

Сажина С.А. Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (именные части речи). Ареальный аспект исследования. Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004.

Сорвачева В.А. Удорский диалект коми языка. Отчет о научно-исследовательской работе за период 1969–1972 гг. Сыктывкар, 1972 // Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 92.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А. Сорвачевой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.

Торопов И. Тян. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982.

УРС – Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983.

УФ – Удмуртский фольклор. Пословицы. Афоризмы. Поговорки. Устинов: Удмуртия, 1987.

Федосеев С. Кусём бизз. Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1991.

Шелякин М.А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм // Проблемы функциональной грамматики / Ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1985. С. 37–49.

ST – Uotila T.E. Syrjänsische Texte. Helsinki, 1989. B. III.